

Конфискация имущества крестьян Маслянинского района Западно-Сибирского края в 1930–1931 гг.

В статье рассматривается процесс конфискации крестьянского имущества в рамках проведения кампании форсированной коллективизации 1930–1931 гг. Акцент сделан на анализе стоимости экспроприированного у крестьян имущества. Исследование базируется на материалах сельсоветов Маслянинского района, где представлены описи крестьянских хозяйств, составленные непосредственно в процессе конфискации их имущества. Полученные результаты позволяют осуществить сравнение районных сведений с официальными данными Управления Наркомфина СССР по стоимости и размерам конфискованного имущества в целом по стране. Сделан вывод об отсутствии в ходе данной кампании единой шкалы оценки стоимости имущества даже в рамках одного района. На основе изучения личных дел крестьян-«лишенцев» выявляется реальное состояние их хозяйств до 1930–1931 гг.

Ключевые слова: конфискация имущества, раскрестьянивание, коллективизация, Маслянинский район, Запсибкрай.

Создание колхозной системы в начале 1930-х годов сопровождалось процессом массового репрессивного раскрестьянивания зажиточных и частично середняцких хозяйств, который заключался в безвозмездной экспроприации имущества и дальнейшей высылке крестьянских семей. Определение стоимости конфискованного у крестьян имущества необходимо для понимания дискутируемой в исторической науке проблемы экономической целесообразности репрессий и их последствий в ходе коллективизации. Это возможно определить через сравнение стоимости полученного государством и переданного колхозам имущества с понесенными властью затратами на массовую депортацию крестьян.

Вопрос имущественного положения различных групп крестьян в период раскрестьянивания активно изучался в отечественной историографии с конца 1960-х – начала 1970-х годов. Наиболее подробно эту проблему изучали Н.Я. Гуцин и Н.А. Ивницкий¹. Однако оценка стоимости конфискованного у крестьян имущества в целом оставалась в стороне. В современной науке эконо-

¹ *Гуцин Н.Я.* Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.): Курс лекций. Новосибирск: Наука, 1972. 289 с.; Он же. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1973. 518 с.; Он же. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: Рос. акад. наук, Ин-т истории, 1996. 158 с.; *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932). М.: Наука, 1972. 361 с.; Он же. Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х гг. М.: Магистр, 1997. 288 с.

мические аспекты проводимой на деревне в 1930-е годы политики начинают разрабатываться, в том числе и на региональном уровне².

Цель исследования заключается в получении на основе локальных данных (документация сельских советов Маслянинского района Западно-Сибирского края) показателей средней стоимости имущества одного «кулацкого» хозяйства, а также в выявлении динамики материального положения крестьян накануне и в процессе их депортации в начале 1930-х годов.

Ряд ученых, например, Н. Верт, рассматривая проблему стоимости конфискованного у крестьян имущества, опираются на справки Управления госдоходами Наркомфина СССР, сделанные летом 1930 года³. В них представлены сводные данные о числе и стоимости хозяйств семей, у которых было конфисковано имущество. Однако существует проблема неточности итоговой статистики, о чем говорится и в самом документе. Это связано с тем, что финансовые органы не принимали участие в «раскулачивании», данную работу вели местные исполкомы Советов. Кроме того, требуемый учет имущества во многих случаях не велся (сведения нередко отсутствовали не только в окружных органах, но и в районных, и даже в сельсоветах). Показатели по районам, по которым данные отсутствовали, восстанавливались искусственно – по среднему показателю данного региона. Наиболее гипотетические показатели представлены по пункту «передача конфискованного имущества колхозам».

Устранить указанную погрешность возможно при помощи поиска и анализа первичных документов сельсоветов, на основе которых составлялась как правило, общая статистика. Целью настоящего исследования является установление на основе документов сельских советов Маслянинского района Западно-Сибирского края показателей средней стоимости имущества одного «кулацкого» хозяйства, а также выявление динамики материального положения крестьян накануне и в процессе их депортации в начале 1930-х годов.

Территориальные рамки обусловлены двумя основными факторами. Во-первых, Маслянинский район являлся типичным сельскохозяйственным районом бывшего Новосибирского округа (по численности жителей, хозяйственной и аграрной специализации и т. д.). Во-вторых, документация первичного уровня (сельских советов) значительно лучше сохранилась в сравнении с другими районами.

В нашем распоряжении имеются списки экспроприированного в 1930–1931 гг. имущества у 101 крестьянских семей из 13 (из 17-ти на 1930 г.) сельсоветов Маслянинского района⁴. Они составлялись председателями сельсоветов

² Раков А.А. Экономические аспекты коллективизации и «раскулачивания» на Урале: агрегированные данные и первичные материалы с мест // Экономическая история. Ежегодник. М., 2012. С. 72–97.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. С. 523–526.

⁴ ГАНО. Ф.Р-449. Оп. 1. Д. 1059, 1065, 1070, 1091.

и являются первичными документами о стоимости и количестве конфискованного имущества. При этом следует учитывать, что данная источниковая база не является исчерпывающей (конфискационные списки сохранились не по всем высылаемым семьям). Однако она составлялась на самом низовом, исходном уровне, во время описи хозяйства в процессе конфискации, что и определяет ее безусловную ценность в качестве первоисточника.

Методика изучения и обработки конфискационной документации состоит из нескольких этапов. Прежде всего, осуществляется первичная формализация источника, данные вносятся в единую таблицу. В результате формируется общий список конфискованного имущества (около 430 наименований) у изучаемой совокупности крестьянских семей. Затем производится группировка имущества на несколько категорий (среди которых, например, «дом и надворные постройки», «продовольственные запасы», «непродовольственные запасы», «одежда и обувь», «крупный скот», «мелкий скот», «кухонная утварь и оборудование» и т. д.). Далее осуществляется подсчет, анализ и интерпретация итоговых данных. Кроме того, следовало сделать поправку на не оценённое имущество, поскольку в списках периодически встречаются наименования имущества без указания их стоимости. Это, в свою очередь, может создать существенную погрешность в оценке средней стоимости имущества отдельной крестьянской семьи. В данном случае она восстанавливалась по средней стоимости данного конфискованного имущества у семьи в сельсовете или районе.

Таблица 1

Средняя стоимость конфискованного имущества с одного двора*

Наименование сельсовета	Средняя стоимость конфискованного имущества (руб.)
Александровский с/с	340,44
Большеизырацкий с/с	215,63
Бубенщиковский с/с	607,36
Бухаринский с/с	305,63
Девкинский с/с	415,00
Дресвянский с/с	290,36
Займо-Суенгинский с/с	462,99
Кинтерепский с/с	530,00
Красковский с/с	190,08
Лебедовский с/с	230,94
Пайвинский с/с	289,66
с. Маслянино	469,09
Итого по району	362,30

* Составлена по: ГАНО. Ф.Р-449. Оп. 1. Д. 1059, 1065, 1070, 1091.

В результате анализа конфискационных списков сельсоветов была выявлена средняя стоимость конфискованного имущества. Полученные данные представлены в таблице 1.

Из представленных данных видно, что средняя стоимость конфискованного у одного крестьянского хозяйства имущества в изучаемой выборке по Маслянинскому району составляет 362,3 руб. Между тем по документам Управления госдоходами Наркомфина СССР она равняется 564,2 рублей⁵. Даже если учитывать, что какое-то имущество было не учтено, то все равно получается немалый разрыв локальных районных данных в сравнении с общесоюзными.

Наиболее высокая средняя стоимость наблюдается в Кинтерепском и Бубенщиковском сельсоветах. В Кинтерепском сельсовете эти показатели можно объяснить особенностями источника. Там был составлен общий список конфискованного имущества на неизвестное количество семей. Число рассчитывалось нами по числу капитальных построек: в списке пять бань, пять амбаров и т. д., поэтому количество семей было условно определено пятью, однако здесь, возможно, имеет место быть некоторая погрешность. В остальных сельсоветах списки составлены на каждую семью в отдельности.

Однако при сравнении этих показателей необходимо иметь в виду, что Наркомфин СССР производил оценку стоимости только тех хозяйств, которые были «раскулачены» в 1930 г., таблица же основана на анализе стоимости хозяйств, подвергавшихся конфискации имущества преимущественно в 1931 г. (около 90 %). За этот год произошло обеднение хозяйств, что могло отразиться на приведённых данных.

Таблица 2

Средняя стоимость отдельных видов имущества*

	амбар	баня	дом	конь	корова	сенокосилка
Александровский с/с	17,50	8,00	140,00	38,75	35,00	27,00
Большеизырацкий с/с	12,50	4,50	71,25	60,00	37,50	26,25
Бубенщиковский с/с	46,82	11,78	186,19	85,00	31,11	91,88
Бухаринский с/с	22,50	6,50	83,33	30,00	30,00	41,00
Девкинский с/с	25,00	6,00	н/д	65,00	45,00	н/д
Дресвянский с/с	34,17	5,86	75,38	37,61	25,50	80,00
Заимо-Суенгинский с/с	26,00	8,33	108,89	37,50	28,57	34,00
Кинтерепский с/с	38,00	10,60	183,33	47,73	н/д	43,75
Красковский с/с	15,00	6,20	70,00	32,27	30,00	12,22
Лебедовский с/с	23,75	12,50	85,00	43,33	н/д	24,00
Ново-Соседовский с/с	15,83	5,00	78,75	31,43	30,00	н/д
Пайвинский с/с	32,50	14,50	166,67	60,00	33,33	53,00
с. Маслянино с/с	33,00	8,00	170,00	46,67	62,50	53,33

* Составлена по: ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 1059, 1065, 1070, 1091.

⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5-ти томах / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. С. 523–526.

Для определения причин существенной разницы средней стоимости имущества одного крестьянского хозяйства необходимо более детально разобрать систему оценки каждой хозяйственной единицы. Рассмотрим это на примере амбара, бани, дома, коня, коровы и сенокосилки (см. таблицу 2).

В таблице наблюдается существенная разница в оценке объектов конфискации в разных сельсоветах. Однако на это могла влиять не только система оценки данного имущества, но и его качество (например, может отличаться размер дома, качество его постройки, корова / лошадь могли иметь различный репродуктивный возраст и т. д.). Погрешность качества имущества менее значительна в случае оценки конфискованной натуры. Данные по некоторым натуральным показателям представлены в таблице 3.

Таблица 3

Средняя стоимость отдельных видов продуктов за 1 пуд*

	мука пшеничная	мука ржаная	Пшеница	рожь
с. Маслянино	н/д	0,03	0,05	0,03
Лебедовский с/с	н/д	н/д	0,50	0,43
Дресвянский с/с	0,08	0,09	0,03	0,03
Пайвинский с/с	0,09	0,06	0,05	0,03
Красковский с/с	0,97	0,61	н/д	0,50
Александровский с/с	н/д	1,20	н/д	н/д
Девкинский с/с	н/д	н/д	0,80	0,61
Бухаринский с/с	1,43	н/д	н/д	0,60
Займо-Суенгинский с/с	н/д	0,70	0,80	0,60
Бубенщиковский с/с	н/д	0,06	1,20	н/д

* Составлена по: ГАНО. Ф.Р-449. Оп. 1. Д. 1059, 1065, 1070, 1091.

Из представленных данных следует, что оценка одних и тех же видов продовольствия сильно отличалась в разных сельсоветах. Это показывает отсутствие единой шкалы оценки конфискуемого имущества. При этом в «Циркуляре Наркомфина СССР наркомфинам союзных республик об учете имущества, конфискованного и взятого на учет у кулацких хозяйств от 6 марта 1930 г.» даются рекомендации о том, как нужно оценивать и учитывать имущество. Так, в случае отсутствия в окружных статистических органах сведений о стоимости имущества рекомендовалось затребовать их у районных исполнительных комитетов⁶. Однако разница между стоимостью имущества одного порядка свидетельствует о существенном расхождении между планами и их реализацией.

⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. С. 286–289.

Для составления более полной картины об экономическом состоянии изученных хозяйств, а также выявления динамики их развития или упадка, необходимо обратиться к документам более раннего периода. В нашем распоряжении были личные дела глав 61 семей, что составляет около 60 % от общего числа попавших под конфискацию хозяйств⁷. Личные дела формировались в связи с жалобами членов семей на несправедливое, по их мнению, лишение избирательных прав или выселение. Однако в некоторых делах отложились и справки о состоянии хозяйства (они прикладывались к делу с целью доказать «кулачество» данной семьи).

Указанные дела были разделены нами на две группы в соответствии с содержащейся в них информацией. Первую из них составили личные дела, имеющие максимально полную информацию о состоянии хозяйства (17 ед.)⁸. В них содержатся данные о количестве коров и лошадей, площади посева, начиная минимум с 1929 г. (в некоторых делах с 1927 г.), а также о годовом доходе хозяйства 1930–1931 гг. На основании этих данных можно сделать выводы о динамике развития хозяйства в предколлективизационные годы. Во вторую группу были включены личные дела, в которых содержится информация о состоянии хозяйства (количестве лошадей, коров и годовом доходе) только в 1930–1931 гг. (32 ед.)⁹.

Сравнив данные по состоянию имущества в личных делах крестьян с информацией, содержащейся в конфискационных списках, можно сделать вывод, что в первой группе у 12 из 17 крестьянских хозяйств (70,6 %) наблюдалось стабильное сокращение площади посевных земель. Причем наибольший пик данного сокращения наблюдается в посевные кампании 1929–1930 и 1930–1931 гг. Для трех хозяйств (17,6 %) характерно преимущественно уменьшение посевных площадей, но в кампании 1927–1928 или 1928–1929 гг. наблюдается рост до 30,0 %. Средняя величина посева в 1929 г. составила 4,802 десятины на одно хозяйство, в 1930 г. – 3,2 десятины. Следовательно, в данной выборке наблюдается сокращение посевной площади на 33,4 %.

У 11 из 17 хозяйств первой группы (64,7 %) зафиксировано также стабильное сокращение количества лошадей и коров. Для четырех хозяйств (23,5 %) характерно сокращение лошадей и коров только непосредственно перед конфискацией имущества. В двух хозяйствах (11,8 %) сокращение поголовья скота не происходит, причем в одном из них наблюдается даже небольшой рост. Всего в 1929 г. в 17 хозяйствах насчитывалось 30 коров и 41 лошадь. В то же время по конфискационным спискам 1930–1931 гг. у этих хозяйств было

⁷ ГАНО. Ф.Р-449. Оп. 1. Д. 98, 104, 105, 165, 169, 186, 196, 198, 199, 271, 275, 311, 326, 363, 364, 366, 388, 397, 399, 425, 427, 428, 452, 455, 481, 495, 496, 497, 504, 522, 552, 571, 593, 634, 64, 646, 667, 680, 696, 700, 705, 731, 742, 779, 781, 830, 853, 854, 856, 857, 859, 876, 920, 951, 953, 957, 979, 997, 1044, 1046.

⁸ ГАНО. Ф.Р-449. Оп. 1. Д. 104, 165, 198, 275, 397, 495, 496, 497, 680, 696, 700, 731, 742, 853, 876, 957, 1046.

⁹ ГАНО. Ф.Р-449. Оп. 1. Д. 98, 105, 186, 196, 199, 311, 326, 363, 364, 366, 388, 399, 399, 425, 455, 481, 522, 571, 593, 634, 667, 705, 779, 781, 830, 856, 857, 859, 920, 951, 979, 1044.

только семь коров и 16 лошадей, следовательно, наблюдается уменьшение количества голов за данный период на 77,0 % и 61,0 % соответственно.

Во второй группе у 26 из 32 хозяйств за последние полгода – год до конфискации наблюдалось уменьшение числа коров и лошадей более чем на 50,0 %. Для четырех хозяйств уменьшение скота также происходит, но оно меньше, чем 50,0 %. И только в двух хозяйствах количество коров и лошадей остается неизменным. По личным делам в 1930–1931 гг. у этих 32 хозяйств проходит 71 корова и 78 лошадей, в конфискационных списках на те же хозяйства приходится 19 коров и 24 лошади. Уменьшение составляет 73,2 % и 69,2 % соответственно.

Кроме того, часть личных дел крестьян содержит информацию о средней годовой доходности хозяйства. Этот показатель включает в себя доход не только от прямой хозяйственной деятельности, но и другие источники дохода, такие, например, как аренда инвентаря, неземледельческие заработки и т. д. В среднем 39 хозяйств в 1930–1931 гг. приносили 435 рублей в год (максимальный доход изучаемых хозяйств – 1440 руб.).

Для понимания экономической целесообразности репрессивной политики периода коллективизации необходимо произвести сравнение между стоимостью полученного колхозами имущества и затратами на осуществление высылки крестьян. На этом этапе, из-за некоторой ограниченности источниковой базы, оно может быть лишь приблизительным. Так, по данным С.А. Красильникова, «в середине 1930-х гг. высылка и хозяйственное устройство одного хозяйства обходилось государству примерно в 1,5 тыс. руб.»¹⁰. Эта цифра в 2–3 раза выше, чем стоимость конфискованного имущества в 1930 и 1931 гг., даже с учетом инфляционных процессов.

Таким образом, анализ списков конфискованного имущества, а также личных дел «лишенцев» Маслянинского района позволяет сделать ряд выводов о состоянии крестьянского хозяйства, подвергнутого репрессии. Во-первых, средняя стоимость конфискованного в крестьянском хозяйстве в этом районе имущества, скота и инвентаря составила в 1930–1931 гг. сумму в 362,3 руб., что существенно отличается от данных Наркомфина СССР на 1930 г. (564,2 руб.). При этом данный показатель в обоих случаях является отчасти условным, что связано с отсутствием единой шкалы определения цены имущества не только в масштабах страны, но и в рамках одного района, о чем свидетельствует значительный разрыв оценки разных видов имущества в разных сельсоветах. Во-вторых, с 1929 г. наблюдается резкое ухудшение экономического положение крестьян-«лишенцев», что проявляется с существенным уменьшением площади посева (около 33 %), количества коров и лошадей (в районе 70–75 %). В-третьих, ход и результаты этой самой массовой кампании по экспроприации личного имущества крестьян со времен революции и гражданской войны отражают качество реализации советским управ-

¹⁰ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930е годы. 2-е изд. М., 2009. С. 111.

ленческим аппаратом политико-управленческих решений. В результате нашего исследования выявлено существенное расхождение между указаниями по проведению данной экспроприационной кампании, которые давались местным органам, и реальной практикой. Это, прежде всего, проявляется в отсутствии единой системы оценки имущества, которую рекомендовалось в случае ее отсутствия «затребовать у районных исполнительных комитетов». Кроме того, ставится под сомнение сама постановка вопроса экономической целесообразности репрессивной политики в деревне, в связи с превышением затрат на обустройство и перевозку крестьянских семей в отдаленные районы, над средствами, полученными от конфискации их имущества.

Библиография

Гуцин Н.Я. «Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, 1996. 158 с.

Гуцин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.): Курс лекций. Новосибирск: Наука, 1972. 289 с.

Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1973. 518 с.

Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932). М.: Наука, 1972. 361 с.

Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х гг. М.: Магистр, 1997. 288 с.

Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 344 с.

Раков А.А. Экономические аспекты коллективизации и «раскулачивания» на Урале: агрегированные данные и первичные материалы с мест // Экономическая история. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2012. С. 72–97.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.